

Глава 4

Колокольчик над дверью мелодично звякнул, и сотрудник за стойкой поднял голову, встречая посетителей приветливой улыбкой, которая тут же замерла на губах, когда тот лучше разглядел вошедших.

Ча Хёк, даже не взглянув на него, сразу направился к холодильной витрине, демонстрирующей ряды аппетитных тортов. Остановившись напротив, он подал знак Ебону подойти ближе.

Тот мгновение колебался, но всё же встал рядом, уставившись на содержимое витрины. В светлых глазах, ещё совсем недавно тусклых и усталых, засверкали восхищённые огоньки.

Они стояли бок о бок, и разница в росте была разительной — Ча Хёк казался головы на две выше.

Сотрудник, обеспокоенно переводя взгляд с одного на другого, продолжал улыбаться, но уголки губ едва заметно подрагивали.

Ебон медленно двигался вдоль витрины, изучая богатый ассортимент: бисквит с чаем матча, чизкейк, кукис-энд-крим*, торт шоколадный с клубникой... Нахмурившись, он поинтересовался у сотрудника:

*п.п.: Cookies & Cream (печенье «Орео» со сливками) — очень популярный вкус тортов и десертов в Азии (особенно в корейских кафе). Классическое сочетание ванильного или сливочного крема с измельчённым шоколадным печеньем (чаще всего «Орео»).

— А шоколадно-ореховый закончился?

— Ах... да. Он популярный, разобрали ещё утром...

Парень обращался к Ебону, но то и дело испуганно поглядывал в сторону Ча Хёка. Руки, которые он аккуратно сложил перед собой на прилавке, нервно подрагивали.

— Хотите, мы быстро сделаем?

— Нет, всё нормально.

Ебон уже собирался выбрать что-то другое, но Ча Хёк вдруг шагнул к нему почти вплотную, заставив сотрудника отшатнуться назад.

— Точно не хочешь?

— Точно. Я же сказал, что всё нормально.

Ебон поднял взгляд как раз вовремя, чтобы заметить чужую ладонь в опасной близости от своего лица. Он и дёрнуться не успел, как Ча Хёк обхватил его за щёки и оттянул уголки губ вниз.

— Что вы делаете? — Ебон нахмурился, вопросительно посмотрел на Ча Хёка. Тот довольно улыбался.

— Больше не дуйся, как ребёнок.

— ...

Ебон схватил его за руку, отцепляя от своего лица. Запястье было таким широким, что его не получалось обхватить ладонью, а кожа на ощупь казалась горячей. Это невольно заставило Ебона отвлечься и перестать хмуриться.

— Я и не дуюсь. Просто там было жарко. К тому же вы заказали суп из свиной требухи, а я такое не ем.

— Как скажешь. Выбирай давай скорее.

Ебон метнул взгляд на Ча Хёка, который уже деловито стоял у кассы, и снова уставился на витрину.

— Может, всё-таки приготовим ореховый? — предложил сотрудник полушёпотом. Ебон, закусив губу, покачал головой.

Видимо, он слишком увлёкся и выбрал в итоге аж три десерта. Стало немного неловко, и он попытался убрать один, но Ча Хёк уже протягивал деньги. Он вытащил пятидесятитысячную купюру, даже не поморщившись, хотя самому Ебону едва дурно не стало при виде цены.

Они уселись за столик. Принесли заказ, и Ебон тут же схватился за вилку, но в нерешительности замер.

Ча Хёк сидел напротив со своим американо, который он заказал, наплевав на жару. Заметив, что Ебон не ест, поинтересовался:

— Всё-таки расстроился, что не было этого... как его... орехового?

— Я же сказал, что нет!

Вышло слишком громко. Смутившись, Ебон заговорил уже тише:

— Я не поэтому... Я просто хотел сказать спасибо за торт...

Ча Хёк усмехнулся и легонько кивнул, принимая благодарность. Ебон покосился на него и, наконец, приступил к трапезе.

В итоге он не пожалел, что орехового не было — его заказ оказался ничуть не хуже.

От такой убойной дозы сладкого Ебон ощутил прилив сил. Украдкой он взглянул на Ча Хёка: к кофе тот так и не притронулся.

К стоявшей перед ним тарелке с куском торта он тоже не проявил интереса — даже вилку не взял. Скрестив руки на груди и откинувшись на спинку стула, Ча Хёк смотрел куда-то в сторону с непроницаемым лицом.

Из-за его сурового вида Ебону почему-то стало не по себе. Казалось, тот обдумывает какой-нибудь жуткий план.

«Зачем этот человек вообще поступил в университет? Сколько ему лет? И правда ли он бандит?»

Пока эти вопросы роились у Ебона в голове, Ча Хёк медленно перевёл взгляд на него. Чёрные глаза остановились прямо на Кан Ебоне.

— Чего ты так смотришь? Хочешь что-то сказать?

Во рту у Ебона таял бисквит с кремом. Он поспешно отвёл взгляд, но уже в следующую секунду снова уставился на Ча Хёка.

— Аджосси, а сколько вам лет?

Брови Ча Хёка едва заметно дёрнулись. Можно было подумать, что Ебон издевается, однако лицо у него было слишком невинным для этого.

Ча Хёк помолчал, потом чуть наклонился вперёд.

— А на сколько я выгляжу?

Ебон внимательно оглядел его.

Если судить только по лицу, то ему можно было дать лет двадцать восемь-двадцать девять, но исходящая от него аура сбивала с толку. Иногда казалось, что Ча Хёку под сорок, а иногда — что он едва ли не ровесник самого Ебона. Разговаривал он то вежливо, то отрывисто и резко. Черты лица были выразительными, вены на запястьях и тыльной стороне ладоней отчётливо выступали. Пальцы с коротко стриженными ногтями выглядели жёсткими и грубыми, так же, как и мозоли на руках.

Ебон разглядывал Ча Хёка, как подопытного кролика, и наконец снова поднял глаза к его лицу.

Их взгляды пересеклись.

Вопреки ленивой усмешке на губах, глаза Ча Хёка были суровыми и непроницаемыми. Ебону показалось, что его самого в эту минуту изучают не менее тщательно.

Кровь прилила к щекам. Он опустил голову.

— Насмотрелся?

— ...Да.

— И сколько же, по-твоему, мне лет?

— ...Тридцать пять?

Голос прозвучал неуверенно. Ебон покосился на Ча Хёка и увидел, что лицо у того окаменело.

— ...Тридцать пять, значит? Что ж, тогда «аджосси» мне подходит в самый раз.

Пробормотав это, Ча Хёк замолчал.

Ебон так и не узнал его точный возраст. Предположил только, что тот младше тридцати пяти.

«Может, двадцать пять?»

Но переспрашивать не решился — Ча Хёк явно был не в духе. Он снова откинулся на спинку стула, приняв более расслабленную позу.

Ебон тем временем уговорил два куска торта и теперь с вождением смотрел на последний, который лежал на тарелке перед Ча Хёком. Тот молча пододвинул тарелку к нему. Благодарно склонив голову, Ебон тут же вонзил вилку в нежный бисквит.

— Но, аджосси...

— Что?

— Почему вы решили меня угостить?

Ча Хёк посмотрел на его губы, мягко обхватывавшие вилку, потом на кусок торта, от которого осталась уже половина.

— А ты как думаешь?

Ебон нахмурился. В его глазах с едва заметными двойными веками читалось явное недовольство, хотя он, возможно, думал, что успешно скрывает его.

«Этот человек никогда не даёт прямых ответов».

Помолчав, он буркнул:

— Откуда мне знать?

— Обидно слышать.

И Ча Хёк снова замолчал.

Ебон расстроился ещё больше. Он открыл было рот, но так и не придумал, что хочет сказать, поэтому только проворчал что-то себе под нос.

Ча Хёк чуть отвернулся, прикрывшись ладонью, за которой определённо пряталась улыбка.

— Эй, парень.

Ебон продолжал молча смотреть на него с недовольным видом.

— У тебя на лице написано, что ты хочешь со мной подружиться. Но я не так прост.

— ...

Ебон опустил взгляд. Этот человек был непредсказуем. Настроение у него менялось каждую секунду.

Решив, что, наверное, перегнул палку, Ебон, не поднимая головы, молча доел торт. Ча Хёк не сводил с него глаз.

Когда они вышли из кафе, оказалось, что времени прошло немало.

Ебон удивился — вообще-то он не планировал так задерживаться. Но ещё более поразительным было другое: за всё это время он ни разу не заговорил о том, что волновало его больше всего. Откладывать дальше было нельзя.

— Аджосси.

Шедший впереди Ча Хёк остановился и обернулся.

— Вы сводили меня в кафе. Это значит, что вы сохраните мой секрет, да?

Ча Хёк протянул медленно:

— Ну...

Ебон решительно шагнул ближе, задрал голову, чтобы заглянуть в лицо:

— Пожалуйста, никому не рассказывайте.

— Хорошо.

Не ожидавший такого быстрого ответа, Ебон удивлённо распахнул глаза.

— Правда?

— Ну...

Ебон почувствовал, как его накрывает волной раздражения. Ча Хёк смотрел с лёгким прищуром и явно наслаждался ситуацией.

Ебон шумно сглотнул. Он не ошибся — этот человек нарочно его дразнил. Он никогда не общался с такими людьми. Его друзьями были весёлые и открытые ребята вроде Ли Сингу. Они могли пошутить, но не стали бы изощрённо издеваться вот так. Покойная бабушка говорила, что в детстве у Ебона был ужасный характер. Упрямый, плаксивый, он никому проходу не давал и доставлял кучу хлопот. Он обладал вспыльчивой натурой и терпеть не мог, когда кто-то играл с его чувствами. Примерно как сейчас.

— ...Что я должен сделать, чтобы вы сохранили это в тайне?

Ча Хёк помолчал, потом широко улыбнулся.

— Я скажу тебе, если ты так просишь.

Ебон вздрогнул, когда Ча Хёк, медленно приблизившись, опустил на него взгляд. Ебон хотел было возразить ему, но не смог выдать из себя ни слова.

— Ты мне интересен. Так что, если хочешь...

Огромная ладонь легла ему на плечо. Ча Хёк наклонился и прошептал, легко улыбувшись:

— Мы можем узнать друг друга получше. Например, на лекции в среду?

По дороге домой Ебон отправил Сыngu сообщение в KakaoTalk и сказал, что он может отдать тот халявный предмет кому-нибудь другому.

Интуиция подсказывала ему, что Ча Хёк вряд ли разболтает его секрет, но тот самый один процент вероятности нельзя было игнорировать.

Ебон просто хотел жить обыкновенной жизнью без всяких приключений, неужели это было так сложно?

Прислонившись виском к прохладному стеклу в автобусе, он долго смотрел на номер Чон Учана в телефоне, пока ехал домой. Потом заблокировал экран.

«Если у тебя будут проблемы, обязательно говори мне, Ебон. Хён всегда будет рядом».

Именно это сказал Учан Ебону в день смерти его отца.

Глаза защипало.

«Всегда... Как же. Лживый ублюдок».

Ебон сожалел, что не разорвал отношения раньше. Слишком сильно он на него полагался.

Только вот...

«Ты мне интересен. Так что, если хочешь...»

Это ведь была просто шутка, да?

Переводчик и редактор: Green_Apelsin

<http://bllate.org/book/14733/1618857>